

Он поспешно бросился к огромной кровати из слоновой кости, намереваясь разбудить Шэнь Не, но стоило ему открыть рот, как в голове внезапно помутилось, перед глазами всё поплыло, и он плашмя рухнул на пол.

В этот момент лежавший на кровати Шэнь Не слегка приподнял веки.

— Шумно, — пробормотал он.

Сказав это, он тут же снова закрыл глаза и замер.

На самом деле Шэнь Не проснулся, как только этот слуга вошел в опочивальню, но не желал обращать на него внимания. Тот же имел наглость подойти к самой кровати и начать его звать. То, что он не лишил его жизни на месте, можно было считать проявлением великой милости.

Луна склонилась к востоку, музыка и танцы стихли, и пир наконец подошел к концу.

Бай Ли, настолько пьяный, что едва держался на ногах, в сопровождении личной служанки вошел в Хуалуаньгун. Едва переступив порог, он начал буянить и требовать, чтобы его отвели в его собственные покои.

— Ваше Величество, сегодня день вашего бракосочетания с Императрицей, вам надлежит почивать в Хуалуаньгун.

— Ваше Величество, не упрямитесь, пойдемте же в спальню, Императрица ждет вас уже полночи.

— ...

— ...

Несколько служанок наперебой пытались вразумить его, но разве можно было ожидать, что пьяный человек их услышит?

— Мне плевать! Я привык к своей кровати! В других местах я не могу уснуть, я хочу спать у себя!

С этими словами Бай Ли вырвался из рук прислужниц и, пошатываясь, направился прочь из Хуалуаньгуна.

Стоило ему избавиться от сопровождения, как на его лице появилась расчетливая усмешка, а взгляд стал ясным и холодным — где только делась недавняя хмельная дурь?

Шэнь Не, надеюсь, ты готов к тому, что я для тебя приготовил!

На следующий день по дворцу разнесся слух, что Император не остался на ночь в Хуалуаньгун. Вскоре об этом судачили уже и при дворе.

Шэнь Не потерял расположение Императора сразу после вступления во дворец!

Кто-то радовался, кто-то горевал. Первые были на седьмом небе от счастья, вторые хмурились, переживая не столько за самого Шэнь Не, сколько за престиж своих семей.

А Шэнь Не тем временем только проснулся.

После умывания слуги подали завтрак. Шэнь Не поправил полы халата и сел за восьмиугольный стол. Его движения были плавными и естественными, на них было приятно смотреть.

Во время трапезы двое прислуживавших ему евнухов дважды о чем-то перешептывались. Шэнь Не слышал каждое слово, но внутри него не шевельнулось ни единой эмоции — он словно и вовсе ничего не заметил, продолжая невозмутимо завтракать.

Сам Шэнь Не не злился, зато его личный слуга пришел в ярость. Указав на болтунов, он гневно воскликнул:

— Вы двое, вы вообще знаете, что такое правила?

Внезапный окрик заставил тех, кто собрался шептаться в третий раз, застыть на месте.

Старший из евнухов первым взял себя в руки и, не проявляя ни страха, ни подобострастия, ответил:

— Докладываю Императрице, мы с братом выросли во дворце с малых лет.

Подразумевалось, что правила они знают прекрасно. Этот человек был мастером интонаций: одну и ту же фразу можно произнести по-разному, и если ответить с той же холодной вежливостью, то второй вариант будет звучать как скрытое оскорбление. А в первом ответе придраться было не к чему.

Сидевший за столом Лэн Мяо не мог не цокнуть языком: нравы в этом дворце и правда были непростыми. Ему стало любопытно, как отреагирует господин Шэнь.

Шэнь Не помешивал фарфоровой ложкой мясную кашу. Он делал это очень сосредоточенно, не отводя взгляда от чаши, и негромко произнес:

— На колени.

Лэн Мяо подумал: «Ну да, это в духе господина Шэня! Никаких интриг, мой господин предпочитает решать вопросы напрямую, так куда приятнее».

— За что? — младший из евнухов явно не отличался выдержкой и выпалил вопрос, выражая

крайнее недовольство приказом.

Второй евнух промолчал, но и не сдвинулся с места. Они выросли во дворце и считали себя здесь старожилками, а опальный Императрица через пару дней мог стать для них никем. Какая разница, что он сын генерала? Раз попал во дворец, его судьба в руках Императора, и власть генеральского дома досюда не дотянется.

Шэнь Не зачерпнул ложку горячей каши и поднес к губам. Так и не дождавшись звука опускающихся на пол колен, он отложил ложку и снова посмотрел на них.

Он небрежно взял с тарелки два жареных хрустящих боба. Никто даже не успел заметить, как он их метнул, но оба евнуха почувствовали резкую боль в боковой части левого колена.

С глухим стуком они оба рухнули на пол.

Шэнь Не достал из рукава белый платок и тщательно вытер пальцы от масла.

— Дворцовые слуги, — сказал он, продолжая вытирать руки, — ведут себя хуже, чем собаки в моем доме.

Личный слуга Шэнь Не с изумлением смотрел на хозяина, не понимая, когда тот успел стать таким грозным, но спросить не решался.

Евнухи покраснели от ярости: опальный супруг Императора посмел сравнить их с животными! Они попытались встать, но стоило пошевелиться, как левое колено пронзило такой болью, словно кости дробились в пыль.

— Ты... не слишком ли много себе позволяешь! Как простой дом генерала может сравниваться с императорским дворцом?!

Вытерев пальцы, Шэнь Не небрежно бросил испачканный платок, бросил на коленопреклоненных холодный взгляд и отрезал:

— Позвать людей.

Голос его не был громким, но его было достаточно, чтобы слышали стражники за дверью. Вскоре несколько евнухов быстро вошли в зал и дружно опустились на колени.

— Приветствуем Императрицу.

Те, кто стоял на страже, были мастерами подслушивать за дверями. Они-то думали, что первый красавец столицы — человек мягкий, как вода, и даже хвастались утром, что устроят ему проверку. Кто же знал, что у Императрицы такой переменчивый нрав и такая меткая рука — двумя бобами свалил Цин Яня и Цин Чи. О том, чтобы досадить ему, не могло быть и речи, хорошо, если самих не накажут.

Но тут они слышали приказ Шэнь Не:

— Увести. Забить палками до смерти.

Все невольно вздрогнули, а лица Цин Яня и Цин Чи мгновенно побелели.

Забить до смерти!

Всего лишь за пару лишних слов?! Это наказание было чрезмерно жестоким!

— Вы что, не слышали приказа моего господина? Или хотите сами получить эти сорок ударов?
— личный слуга, не отличавшийся мягкосердечием, поторопил замаявшихся стражников. Это звучало скорее как угроза.

— Слушаюсь, слушаюсь... — в панике забормотали те. Опираясь на руки, они поднялись и, пошатываясь, подошли к Цин Яню и Цин Чи, подхватили их под руки и потащили прочь.

— Императрица, помилуйте! Я осознал свою вину! Прошу, простите раба на этот раз, я больше никогда не посмею! — Цин Чи, чье колено пронзала адская боль, не мог идти самостоятельно и рыдал, пока его волокли по полу. — Императрица, вы человек широкой души, не стоит мारаться об такого ничтожного раба, как Цин Янь, умоляю, пощадите меня!

<http://bllate.org/book/21331/2163880>